

Дахин Александр Николаевич, доктор педагогических наук, профессор
Новосибирского государственного педагогического университета,
г. Новосибирск, e-mail: dakhin@mail.ru

МИФЫ ИСТОРИИ, ИЛИ ДРАГОМИРОВ КАК ОТЕЦ ВОЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

Автор рассматривает роль крупнейшего военного теоретика Российской империи 2-й половины XIX века генерала М.И. Драгомирова в русле проблемы единства материального и психоэмоционального при подготовке личного состава российской армии.

Ключевые слова: военная прикладная психология, инновационные идеи в военном деле, морально-психологическая подготовка, профессиональная военная психология, эмоционально-ценностные отношения к воинской службе.

Роль генерала Драгомирова в теории и практике военного дела стала лейтмотивом целой серии наших занятий по психологии с курсантами военного училища. Дело в том, что в зале заседаний учёного совета Новосибирского высшего военного командного училища (НВВКУ) находятся два портрета выдающихся военачальников России — генералиссимуса Александра Васильевича Суворова и генерала от инфантерии Михаила Ивановича Драгомирова. Все мы пришли к единому мнению, что это удачное единение теории и практики отечественного военно-боевого искусства. Однако заметим, что если роль Суворова в военной истории России никак не оспаривается, то влияние Драгомирова на развитие военной

мысли несколько замалчивается, а сам генерал остаётся в тени блистательных боевых побед других отечественных полководцев. Особый колорит этой личности создаёт именно её многогранность, что уже отмечалось некоторыми авторами [1, 2]. И здесь не обойтись только чёрно-белыми красками, хотя к этому обязывает заголовок статьи. Наша палитра будет несколько разнообразнее, и это только подчеркнёт профессиональный талант М.И. Драгомирова, вокруг имени которого уже при жизни ходили легенды и сочинялись всевозможные мифы и даже анекдоты.

По известной традиции начнём с «чёрного» мифа. Видимо, благодаря своей неординарности Драгомиров слыл острословом. Иногда ему это

мешало, т.к. он использовал и сугубо солдатскую лексику, вставляя в разговор крепкое словцо, за что в некоторых кругах сослуживцев считался грубоватым солдафоном. Однако он был не лишён литературного таланта, что и дало его завистникам повод обвинить офицера в радикальных милитаристских настроениях и даже на определённом этапе объявить его опасным экстремистом, что, собственно, и привело к его увольнению из военной академии Санкт-Петербурга. Вердикт вынес сам император Александр Второй своей хрестоматийной фразой: «Драгомиров, а ты всё продолжаешь мне разлагать армию?» Ретивые администраторы поспешили сделать определённые оргвыводы. Видимо, оппоненты не могли отличить убедительную критику талантливого автора от радикального настроя революционных или, как их иногда называли, «красных» генералов. Инновационные идеи даже в военном деле предполагают анализ, критику и вскрытие противоречий, сложившихся в армии. И это нормально с точки зрения профессионального военного. Только ложный патриотизм избегает такой военно-политической интенции. Яркие статьи Драгомирова, вскрывающие недостатки в существовавшей тогда тактике ведения боя, приковывали внимание одних и болезненно воспринимались горе-патриотами, желающими угодить императору.

Такую яркую личность не мог не оценить и великий русский художник Илья Репин, с которым дружил Драгомиров, и генерал со своей колоритной внешностью позировал худож-

Рис. 1. Илья Репин, 1889 г.

Портрет М.И. Драгомирова

нику для образа казака на известной картине.

Добавим ещё немного чёрной краски — вместе с коллегой Драгомирова Михаилом Винюковым, который называл его не иначе, как ретроградом, карьеристом, что не лишено оснований.

Рис. 2. Фрагмент картины И. Репина «Запорожцы пишут письмо турецкому султану». Прототип казака — М.И. Драгомиров

Пусть тот, кто не мечтает сделать успешную карьеру, первым бросит в нас камень! Вдобавок нашего героя обзывали гегелистом, герценистом, атеистом и политическим либералом. Вот такой оппозиционно-инновационный коктейль. В своё время вдруг выяснилось, что именно Драгомиров заставил всю русскую армию исповедовать устаревшую концепцию «Пуля — дура, штык — молодец». Поэтому можно сказать, что он повинен в неудачах русской армии в Русско-японской войне 1905 года и даже в Первой мировой войне.

Теперь представим «белый» миф. Драгомирова считают отцом военной школы духа, суворовской школы, основоположником военной прикладной психологии. Здесь налицо значительные теоретические достижения автора. Хотя сам Драгомиров не любил, когда его называли теоретиком. Однако такие упрощения только заслоняют от нас живого человека со всеми достоинствами и недостатками. Будем рассматривать выдающегося генерала как мыслителя, отвлекаясь от традиционного формулярного списка его карьерных достижений; проанализируем основные военно-научные выводы генерала, тем самым уничтожая отмеченные выше мифы. Хотя надо ли бороться с мифами, которые всегда были и будут в любом обществе?

Итак, самого автора и читала, и почитала широкая аудитория отечественных и западных военных, с большим интересом воспринимавшая рассуждения о современной тактике боя, которые приводил тогда ещё профессор М.И. Драгомиров в Николаевской академии генераль-

ного штаба. Заметим, что оппозиционность Драгомирова вскоре переросла в содержательное наполнение военной мысли русской армии, которая вынужденно обратилась к модернизации военно-профессиональной подготовки. Это стало актуальным после поражения в Крымской войне 1853–1855 гг. и особенно в обучении солдат. Инновационный тон задавала статья «О вероятных переменах в тактике вследствие распространения далеко- и скорострельного оружия», опубликованная в «Военном сборнике» (1868). Формально эта научная работа была достаточно специальной, если не сказать утилитарной, но внимательное её прочтение вскрывало деструктивные противоречия и коррупционные традиции, сложившиеся в российской армии того времени под влиянием Николая Первого, которого в узких военных кругах называли не иначе, как «много прапорщика и немного Петра Великого». Только очень неподготовленный читатель не смог бы сделать критические выводы о сложном положении российской армии на основе данного текста.

Модернизируя взгляды Суворова

Традиционно Драгомирова считают почитателем Суворова. Но здесь следует отметить, что всё-таки за 100 лет кое-что поменялось в русской армии и в плане развития военной мысли, и в вопросах вооружения. Поэтому механического заимствования идей Суворова в работах Драгомирова нет: его военная позиция выкристаллизо-

вывалась в «гносеологическом зазоре» между двумя доминировавшими в то время доктринами.

Одна принадлежала весьма влиятельному и часто цитируемому швейцарскому офицеру Антуану-Анри Жомини (1779–1869), который, кстати, состоял на службе в русской армии в чине генерала от инфантерии. Такое иногда случалось в XIX веке — сначала он воевал против России в армии французов, затем перешёл на другую сторону, разумеется, за определённое денежное вознаграждение и перспективный карьерный рост, который ему пообещал император Александр Первый. В России Жомини звали барон Генрих Вениаминович. Популярность Жомини отмечена в стихотворении поэта и генерал-лейтенанта Дениса Васильевича Давыдова «Песня старого гусара». Ясно, что про заурядную личность стихи не сочиняют, особенно российские офицеры, которые ревностно следили за успехами своих иностранных конкурентов:

Говорят, умней они...

Но что слышим от любовов?

Жомини да Жомини!

А об водке ни полслова.

Прославился Жомини не столько на поле боя, сколько как военный историк-теоретик. Так, написанный им многотомный труд «Рассуждение о великих военных действиях, или Критическое и сравнительное описание походов Фридриха Второго и Наполеона Первого» сразу перевёлся на русский язык и широко обсуждался в отечественной военной

среде по мере выхода в свет очередного тома. По мнению Жомини, военное искусство сводится к нескольким ключевым принципам, которые в совокупности своей образуют некую технологию, гармонию военно-профессиональной культуры, своеобразный военно-профессиональный «Логос», если вспомнить философию стоиков. Есть конкретные алгоритмы ведения боя, освоив некоторый набор которых, полководец может рассчитывать на успех. Например, если противник сконцентрировал свои силы в центре, то необходимо охватить его фланговыми ударами и окружить [5]. Пожалуй, самым характерным примером такого результативного манёвра, завершившегося окружением и полным уничтожением превосходящих сил неприятеля, является битва при Каннах. Именно Ганнибал Барка предложил эти новые по тем временам меры противостояния римской пехоте, которая намеревалась мощным ударом в центре прорвать фронт карфагенского войска.

Если, наоборот, неприятель стремится обойти основные силы армии и растягивает свой строй, то имеет смысл атаковать в центре и разрезать вражескую группировку пополам. Здесь ярким историческим примером, вошедшим в учебники по тактике во всех армиях мира, служит знаменитая битва трёх императоров при Аустерлице. Русским и австрийским войскам не удалось окружить французскую армию Наполеона Бонапарта, так как он стремительным ударом в центре разрезал союзников и их войска бежали. Заметим,

что своеобразный «Антиаустерлиц» случился с французским маршалом Мармоном в Испании, который неправильно оценил общую оперативную обстановку, — видимо, маршал не выучил урок своего знаменитого императора и в битве при Саламанке решил обойти англичан с фланга, в результате растянул свои войска, чем и воспользовался герцог Веллингтон, ударив в образовавшуюся брешь.

В некоторой военно-методологической оппозиции к Жомини находился генерал-майор Карл Филипп Готтлиб фон Клаузевиц. Своим сочинением «О войне» автор произвёл переворот в развитии военной мысли. С его точки зрения, бой — это хаос. Современные геймеры, как и некоторые курсанты НВВКУ, знают термин «туман войны», который впервые использовал Клаузевиц, характеризуя условия неопределённости боевых действий. В войне очень многое не подвластно разуму, не соотносится с имеющимся опытом. Существует дихотомия гармонии и хаоса современного боя. Драгомиров был скорее приверженцем взглядов Клаузевица, прямые ссылки на работы которого появились у него с 1885 года. Заметим, что для всех военных XIX века культовой фигурой был всё же Наполеон Бонапарт. Он считал, что успех на одну четверть зависит от материального обеспечения (численность, вооружение, боекомплекты) и на три четверти от таких моральных факторов, как моральный дух войска, гений полководца, волевая регуляция отношений. Драгомиров считал, что если бой — это игра случая, то успех зависит

от воли, в основном от воли полководца. Надо прорвать пелену «тумана войны». Но чем? Штыком. Все мы знаем суворовское «Пуля — дура, штык — молодец». Драгомиров дополняет это изречение так: не надейся на то, что всех перестреляешь, а иди вперёд, твоя победа на кончике твоего штыка. Здесь «штык» следует воспринимать, скорее, как смелый манёвр, волевою атаку, не исключаящую огневую поддержку, а дополняющую её.

Его взгляды находились в контексте популярных тогда военных теоретиков, например военного инженера барона Жозефа Ронья, уже известного нам Огюста Мармона или маршала Роберта Бюжо. Все они утверждали, что современный бой часто превращается в бессмысленную перестрелку. Солдаты начинают палить из винтовок, а офицеры при этом утрачивают контроль над войсками. Драгомиров подчёркивал, что при использовании более совершенного оружия штык не утратил своего значения.

А был ли теоретик?

Как же работал Драгомиров с личным составом? Он постоянно занимался с ротными командирами и учил их действовать самостоятельно. В то время командиры рот выполняли функцию механического транслятора распоряжений командира батальона, т.е. были полностью лишены инициативы. Эта традиция восходила к XVIII веку, когда пехота атаковала в едином строю, построившись в каре. Командир батальона видел всех своих

подчинённых и управлял ситуацией, не нуждаясь в помощниках. В середине XIX века ситуация изменилась. С появлением скорострельного оружия пехота перестроилась в цепь. Таким образом, весь батальон уже не находился в поле зрения комбата. А функция принятия самостоятельно-го решения ротными командирами ещё только появлялась.

Драгомиров лично отработывал с командирами рот способы принятия решения, задавал им вопросы, комментировал принятые ими решения, объяснял на конкретных примерах, почему надо окопаться именно около этого холма, а не возле той канавы, и т.д. Выражаясь языком современной военной психологии, знания офицеров интериоризировались. Так через организацию генералом «зоны ближайшего развития» своих подчинённых создавался новый опыт военнослужащих [4, с. 866].

Кроме того, Драгомиров ввёл определённые правила и, главное, объяснил их суть. Первое: береги патроны. Хорошему бойцу 30 патронов хватит на самое жаркое дело. У русского солдата на тот момент боекомплект составлял 60 патронов. Во время франко-прусской войны 1870–1871 гг. у французских солдат был боекомплект 100 патронов, и они умудрялись его расстреливать до подхода противника на прицельную дистанцию. Драгомиров понял, что здесь определяющим был психологический фактор. Солдат надо учить стрелять с умом.

Второе правило: смены не будет. В той же австрийской армии существовала практика, когда боевые еди-

ницы сменяли друг друга после того, как у них заканчивался боезапас. Разумеется, солдаты патронов не экономили. Для русского солдата была другая установка: его работа на боевой линии закончится с победой. При этом Драгомиров стимулировал людей, объясняя, что для ведения прицельного огня вполне достаточно небольшого боекомплекта патронов, если хладнокровно подпустить неприятеля на близкую дистанцию. Его главная идея заключалась в том, что бойца необходимо психологически готовить к использованию новых скорострельных винтовок и дальнобойных орудий. Таким образом, для военнослужащих важна как стрелковая, так и морально-психологическая подготовка. Хотя на тот момент наблюдался опасный крен в сторону увлечения огнём. Однако, по мнению Драгомирова, победа зависит от готовности сойтись на штык.

Так зарождалась профессиональная военная психология, отцом-основателем которой считается М.И. Драгомиров. Но здесь уместно отметить умелое и даже органичное единство теории и практики в деятельности военачальника. В 1877 году 14-я пехотная дивизия тогда ещё генерал-майора Драгомирова первой переправлялась через Дунай у местечка Систово, там, где ручей Текирдере впадает в реку.

Ситуация осложнялась тем, что войскам необходимо было преодолеть овраг и реку около одного километра шириной. Так вот подчинённые генерала самостоятельно принимали решение о способах форсирования реки.

*Рис. 3. Форсирование Дуная дивизией Драгомирова
во время Сисовского сражения*

Таким образом, Драгомиров открыл счёт в Русско-турецкой войне в пользу российской армии, а блистательная переправа через Дунай стала звёздным часом генерала. Сам Драгомиров переправился через реку только третьим рейсом, его подчинённые действовали достаточно эффективно и не боялись брать на себя ответственность за принятые решения.

По этому поводу возник известный анекдот. Когда завершилась переправа возле городка Сисово на болгарском берегу и района Зимницы на румынском берегу Дуная, состоялся такой диалог Драгомирова с императором Александром Вторым.

Император задал генералу каверзный вопрос:

— Скажи мне, о чём ты думал, когда готовился к этой операции.

— Думал о том, что мои недоброжелатели раньше говорили, что Драго-

миров не строевой офицер, а теоретик, и слушать его не надо. Потом я получил в подчинение 14-ю пехотную дивизию и стал строевым. Критики продолжали своё дело: «Драгомиров хоть и строевой, но не боевой, ещё пороку не нюхал, и слушать его не надо». А теперь, даст Бог, наградит меня судьба победой, и что же теперь скажут мои критики?

Психология отношений

Обсуждая боевой путь генерала Драгомирова, курсанты пришли к следующим выводам, не потерявшим своего значения и для современного российского офицера. Совместная деятельность офицера и подчинённого оказывается, как минимум, тройко опосредованной. Медиатором военно-профессиональной культуры для

солдата выступает первый посредник — офицер как «значимый Другой». Именно совместно с командиром формируются эмоционально-ценностные отношения к воинской службе и волевая регуляция этих отношений [3].

Второй посредник представляет собой некое идеальное построение или семиотический артефакт. Для проектирования инновационной деятельности и описания результатов последней следует создавать специальную, даже уникальную знаковую систему, которая, во-первых, подготовлена для оценки успешности ведения боевых действий, во-вторых, открывает дальнейшую перспективу развития тактической

обстановки. Этот своеобразный «язык впервые» способен адекватно противостоять «туману войны», преодолевая шаблонные нормативы, которыми изобилуют уставы любой армии мира.

Третий посредник вполне материален — это вооружения, технические средства, технологический инструментарий, в терминологии Л.С. Выготского — «культурное орудие», которое не только меняет боевую мощь воинских подразделений, но и меняет саму психологию боя [4]. Собственно, на этом единстве материального и психоэмоционального в подготовке личного состава российской армии настаивал М.И. Драгомиров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Юдин С. Обещающий многое. Ранние годы генерала Драгомирова // Родина. — 2013. — № 8. — С. 76–77.
2. Кокоулин В.Г., Михалин В.А. Отечественная история и воспитание патриотизма // Гуманитарные проблемы военного дела. — 2014. — № 1. — С. 175–177.
3. Дахин А.Н. Образовательные проекты и проекты в образовании: монография / А.Н. Дахин, К.А. Юрьев; под ред. чл.-корр. РАО, проф. А.Ж. Жафярова; Мин-во образования и науки РФ, Новосиб. гос. пед. ун-т. — Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2016. — 149 с.
4. Выготский Л.С. Психология — М.: Изд-во РГБ, 2006. — 1008 с.
5. Жомини Г. Стратегия и тактика в военном искусстве. — М.: Центрполиграф, 2009. — 449 с.